

Да не уберёт. Прости меня.
Я б тебе живому не признался.
Но уснул ты в стороне чужой
вечным сном на берегу Дуная,
и шумит, о чём-то вспоминая,
русская берёза над тобой.
И к твоей могиле с обелиском
я сегодня мысленно иду.
Путь мой и нелёгкий, и неблизкий,
через годы, через темноту.
Но с пути мне этого не сбиться,
не споткнусь я и не упаду.
На Дунай по памяти приду,
чтоб твоей могиле поклониться
и сказать: «Прости мне, старшина,
все мои мальчишечьи проказы,
признаюсь: была моя вина
в том, что ты не выполнил приказа...»
Не уйти от горькой той вины,
от неё ничем не откупиться.
Оттого-то зарево войны
до сих пор мне помнится и снится.
А тебе уж не топтать траву,
не встречать рассветы и закаты...
Но поверь мне как солдат солдату —
я теперь за нас двоих живу.

Олег Головки родился за год до войны в селе Рахни-Сабови Винницкой области. Пережил фашистскую оккупацию, оставившую глубокий след в памяти. Окончил Томский институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1974 году приехал в Тынду, был начальником отдела энергетике и связи Дирекции строительства БАМа. Руководил литстудией «Звено». Обладая неуёмной энергией организатора, оставил след и в истории Амурской писательской организации, став одним из её учредителей. После возвращения в 1979 году на Украину, в Кременчуг, издал ряд книг на русском и украинском языках.

Олег Головки

* * *

Я отца не пытаю
Про жестокость войны —
Всё по шрамам читаю,
По снегам седины.

Вечно носит с собою,
Словно пламени знак,
Он автографы боя,
Документы атак.

Мне поведали шрамы,
Как на огненный дот,

Беззаветно, упрямо
Шли солдаты вперёд.

Лишь осколки тревожат,
И зимой, и весной,
Боль отцовскую множат
Той далёкой войной.

Он заснёт — снова танки
Набирают разгон, —
И в смертельной атаке
Поднимается он.

Перевод с украинского И. Игнатенко

Тяжёлым катком проутюжила война детство **Геннадия Кузьмина**. Отец и мать будущего поэта погибли в блокадном Ленинграде. Оставшись сиротой, долго скитался по детским домам. Лишённый в детстве семейного тепла, во взрослой жизни создал большую семью, стал отцом пятерых детей. Окончил индустриальный техникум. Работал на стройках Севера и Сибири, прокладывал железную дорогу Абакан — Тайшет. В 1976 году приехал на БАМ, где окреп и развился его поэтический дар. Участвовал в возведении посёлков Могот, Муртыгит, Беркакит. Наряду с романтикой мирного созидания на просторах Сибири и Дальнего Востока, немало стихов посвятил теме Великой Отечественной войны.

После развала СССР уехал из Тынды, чтобы исследовать новую Россию. Побывал и за границей: жил в Торонто, где постигал азы бизнеса. Возвратился в столицу БАМа предпринимателем. Но врождённая страсть «уезжать, уплывать, улетать» взяла верх. Он и умер, как будто уехал куда-то ненадолго за новым приключением, оставив нам свои стихи, которые успел собрать только в две книжки, хотя написал гораздо больше.

Геннадий Кузьмин

Мой отец,
Наверно, был геологом...
А иначе — отчего во мне
Эта власть костров
Под звёздным пологом,
Эта тяга к чуткой тишине?!
Мой отец,
Наверно, был художником...
А иначе — отчего порой
Я люблюсь солнечной игрой
Свежих рос
На пыльном подорожнике?
Мой отец,
Наверно, был поэтом...
А иначе — как в меня вошли